

ПУШКИН В РАБОТЕ НАД «СЛОВОМ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В последние годы своей жизни Пушкин занялся внимательным изучением «Слова о полку Игореве». К этому времени накопилась уже довольно значительная по количеству литература, посвященная «Слову». Еще до гибели его в 1812 году сделано было несколько его переводов, в том числе стихотворных, на современный русский язык. Попытки филологического изучения «Слова» сводились преимущественно к комментированию отдельных его малопонятных мест. Вскоре же после издания памятника стали раздаваться голоса скептиков, отрицавших его древность. Так, митрополит Евгений Болховитинов утверждал, что «Слово» написано не ранее XV—XVI вв., а Румянцов, считая его явной подделкой, относил написание его к XVIII в. Были даже такие крайние отрицатели подлинности «Слова», которые в нем усматривали подделку не то самого первого издателя его гр. Мусина-Пушкина, не то Карамзина. Волна скептицизма в отношении «Слова» вновь поднялась в 30-е гг., когда против его подлинности стали высказываться особенно энергично — устно и письменно — М. Т. Каченовский и О. И. Сенковский и их последователи — И. И. Давыдов, П. Беликов и С. М. Строев.

Скептическое отношение к «Слову» в 30—40-х гг. было лишь частным проявлением скептического отношения тогдашних историков и критиков вообще к прошлому русской истории, которое представлялось им как эпоха культурно очень бедная, почти варварская. Специально же в отношении «Слова» скептиками главным образом ставилось на вид, с одной стороны,

отсутствие в древней русской литературе произведений, хоть сколько-нибудь по своим художественным качествам приближающихся к нему, с другой — особености его языка, будто бы не находящие себе параллелей в языке древнейших русских памятников.

Такое упорное нежелание со стороны скептиков признать подлинность «Слова» побудило их противников, к числу которых относился и Пушкин, для обоснования своей положительной точки зрения на памятник заняться изучением предшествовавшей и современной «Слову» древней русской литературы и старого русского языка. В результате этих изучений уже к 40-м гг. выяснилась с полной очевидностью неосновательность позиций скептиков. Еще в 1834 г. в защиту подлинности «Слова» напечатана была книжка С. Руссова, представляющая собой солидно аргументированное опровержение скептических высказываний Сенковского, а вслед за ней в том же году в «Сыне отечества» — статья П. Буткова «О войне великого князя Святополка с Тугорканом», также умело написанная в защиту подлинности «Слова» и направленная против статьи Беликова.

Уже ранними работами о «Слове», несмотря на их во многих случаях филологическую и историко-литературную наивность, было положено начало его научному объяснению. Лексикю его иногда возводили к словарю западных и южных славянских языков, чаще всего к словарю польскому; «Слово» нередко трактовали с точки зрения поэтики оссиановских песен или героических классических поэм, но за всем этим были и реальные достижения в области уяснения исторического и филологического существа памятника.

С 30-х гг. мы имеем попытки изучения «Слова» в связи с устной поэзией. В 1830 г. Н. Полевой в его «Истории русского народа» сопоставляет «Слово» со скандинавскими сагами. То же через десять лет делает Погодин в своем письме к Шевыреву, напечатанном в «Москвитяине». В 1835 г. Максимович читает в Киевском университете специальный курс о «Слове» и вслед затем публикует ряд статей, ему посвященных, в которых он особенно подробно сосредоточивается на установлении связи «Слова», в его стиле и символике, с народной поэзией, главным образом украинской.

Таково было в общих чертах состояние историко-лите-

ратурных и филологических изучений «Слова», когда к нему вплотную подошел Пушкин.

Первое документальное свидетельство об его интересе к «Слову» относится к 27 сентября 1832 г., когда он, по приглашению тогдашнего товарища министра народного просвещения С. С. Уварова, посетил в Московском университете лекцию профессора И. И. Давыдова о «Слове». На лекции был также и М. Т. Каченовский. В этот день Пушкин писал жене: «Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник — а в Московском университете я оглашенный. Мое появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит мое самолюбие». В следующем письме, написанном через несколько дней, он делится с женой своим впечатлением от встречи с Каченовским: «На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились [с] ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления»¹.

После лекции между Пушкиным и Каченовским завязался спор о подлинности «Слова». И. А. Гончаров, присутствовавший на лекции Давыдова, в ту пору студент Московского университета, оставил свои воспоминания о посещении университета Пушкиным и о споре его с Каченовским. В этих воспоминаниях он пишет: «Я не припомню подробностей их состязания,— помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож»². Поэт А. Н. Майков так передает впечатление своего приятеля Гончарова от спора Пушкина с Каченовским: «Помню, как сквозь седины Каченовского проступал румянец и как горели глаза Пушкина», и от себя добавляет: «Бой был неравен, судя по впечатлению приятеля: он и теперь еще, кажется, более на стороне профессора,— и не мудрено! Пушкин угадывал только чутьем то, что уже после него подтвердила новая школа филологии неопровержимыми данными; но этого оружия она еще не имела в его время, и поэт

¹ Пушкин. Письма, т. III, 1831—1833. Под ред. я с примеч. Л. Б. Модзалевского. «Academia», М.—Л., 1935, 81—82.

² Полн. собр. сочинений, т. XII, СПб. 1899, стр. 504—506.

не мог разорвать хитросплетенной паутины «злого паука»¹.

П. И. Бартенев сообщает воспоминание М. О. Бодянского, тогда также студента Московского университета, а впоследствии известного слависта, о его беседе с Пушкиным по поводу «Слова» после той же лекции Давыдова. Давыдов, указывая на Бодянского, сказал Каченовскому, что ему подано «весьма замечательное сочинение», в котором молодой автор, находившийся под влиянием Каченовского, доказывает подложность «Слова». Пушкин с живостью обратился к Бодянскому с вопросом о том, что значит «харалужный», «стрикусы», «кмет». Первых двух слов студент не мог объяснить, третье же объяснил явно неудовлетворительно и вызвал такую реплику Пушкина: «То-то же, никто не может многих слов объяснить, и не скоро еще объяснят»².

С. П. Шевырев, говоря о большом усердии, с каким Пушкин изучал памятники древней словесности, замечает: «Слово о полку Игореве» он помнил от начала до конца наизусть и готовил ему объяснение. Оно было любимым предметом его последних разговоров»³. В другом месте Шевырев пишет: «Известно, что Пушкин готовил издание «Слова о полку Игореве». С глубоким уважением говорил он о его поэтических достоинствах и не сочувствовал несколько мнениям скептиков, которые всего сильнее действовали в его время. Нельзя не пожалеть, что он не успел докончить труда своего...»⁴. Я слышал лично от Пушкина о его труде. Он объяснил мне изустно вступление, которого смысл, по мнению Пушкина, был тот, что автор «Слова», отказываясь от старых словес и замышления Боянова, предпочитает говорить о полку Игоревом по былинам своего времени»⁵.

Разговор Пушкина с Шевыревым о «Слове» происходил весной 1836 г. Тогда же Пушкин просил И. М. Снегирева прислать ему «замечания на Игореву песнь, коею

¹ Полн. собр. сочинений, т. II, СПб. 1901, стр. 505.

² Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступит. статья и примеч. М. Цявлюковского. М., 1925, стр. 49—50.

³ «Москвитянин», 1843, ч. III, стр. 237.

⁴ «История русской словесности, преимущественно древней», выпуск 2-й, М., 1846, стр. 259—260.

⁵ Там же, стр. 310. Здесь, как и всюду ниже, разрядкой напечатаны слова, подчеркнутые или напечатанные курсивом в цитируемых текстах.

он занимается как самородным памятником русской словесности¹. Вернувшись в Петербург, Пушкин при встрече с известным ученым П. И. Кеппеном в Публичной библиотеке заводит с ним разговор о Трояне и затем получает от него записку с изложением взглядов на этот предмет польского ученого Кухарского².

13 декабря 1836 г. А. И. Тургенев писал к своему брату Н. И. Тургеневу: «О песне о полку Игореве переговорю с Пушкиным, который ею давно занимается и издает с примечаниями. Между тем посылаю две статьи о ней, напечатанные недавно в Журнале народн. просв. Передай их Эйхгофу и скажи ему, что постараюсь еще кое-что о ней доставить и самую песнь. Справлюсь о лучшем немецком переводе». Побывав затем у Пушкина, А. И. Тургенев продолжает: «Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о песне о полку Игореве, коей он готовится критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский и польский; и в конце написал и свое мнение о сих переводах. У него случилось два экземпляра этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, вроде Шлецерова Нестора, и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дожидаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий славянских и языка русского»³.

В «Письме к издателю», направленном в «Московские ведомости» и датированном 4 февраля 1837 г., М. А. Кор-

¹ «Русская старина», 1889, № 10, стр. 214; «Русский архив», 1902, кн. III, стр. 170. См. еще Л. Н. Майков. «Пушкин» (Воспоминания Шевырева о Пушкине), СПб, 1899, стр. 331, 354.

² Переписка Пушкина, изд. Акад. наук, т. III, стр. 351—352.

³ П. Е. Щеголев. «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3-е. М.—Л., 1928, стр. 278. В этом письме имеется некоторая неясность относительно того, что Пушкин послал Н. И. Тургеневу. Судя по словам: «Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский и польский», можно было бы думать, что чешский и польский переводы посланы были Пушкиным в издании особом, независимом от издания русского текста «Слова» латинскими буквами. Но, во-первых, дальнейшая фраза — «У него случилось два экземпляра этой книжки»

кунов, переехавший 7 января этого же года из Москвы в Петербург и на первых порах служивший там в Археологической комиссии, писал: «С месяцем тому назад Пушкин разговаривал со мной о русской истории, его светлые объяснения древней Песни о полку Игореве, если не сохранились в бумагах,—невозвратимая потеря для науки»¹.

Наконец, по словам И. П. Сахарова, Пушкин 24 января 1837 г., то есть за три дня до дуэли, вел горячий и дельный спор о «Слове» с поэтом и переводчиком Л. Я. Якубовичем. «Здесь я слышал,—писал присутствовавший при этом споре Сахаров,—его предсмертные замыслы о Слове Игорева полка—и только при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки»².

Таким образом, до последних дней своей жизни Пушкин живо интересовался «Словом о полку Игореве», стремясь, видимо, осуществить свое давнишнее желание—издать критический текст «Слова» со своими пояснениями, а быть может, и со своим переводом. Встречаясь с лицами, которые в той или иной мере были сами заинтересованы «Словом», он спешил поделиться с ними

заставляет толковать смысл первой фразы так, что и русский текст латинскими буквами и чешский и польский переводы—все это было в одной книжке. Во-вторых, мы не знаем ни одного издания «Слова», в котором был бы напечатан лишь русский текст памятника латинским алфавитом без переводов этого текста. Речь идет, очевидно, об издании Ганки, в котором, помимо подлинного текста «Слова», напечатанного по-латыни, даны чешский и немецкий его переводы. На польском языке здесь напечатана небольшая вступительная заметка, содержащая в себе изложение памятника. Очевидно, Н. И. Тургенев по рассеянности вместо «немецкий» написал «польский». Это косвенно подтверждается и словами цитированного письма А. И. Тургенева, в котором он обещает раздобыть для Эйхгофа, очевидно, намеревавшегося перевести «Слово» на французский язык, помимо русского текста, также и лучший немецкий его перевод. Поясняя письмо Н. И. Тургенева, Т. Г. Зенгер пишет: «Пушкин пользовался переводом В. Ганки «Слова» на чешский язык (изд. 1821 г.) и переводом Беловского на польский язык (изд. 1833 г.) («Рукою Пушкина», подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.—Л. 1935 г., стр. 147), но мы ниоткуда не знаем, чтобы перевод Беловского известен был Пушкину.

Мнение Пушкина о переводах «Слова», сообщенное Н. И. Тургеневу, о чем упоминает А. И. Тургенев, не сохранилось.

¹ «Московские ведомости», 1837, № 12 от 10 февраля. Перепечатано в издании «Пушкин и его современники», вып. VIII, стр. 82, и М. А. Цявловским в «Книге воспоминаний о Пушкине», М. 1931, стр. 349.

² «Русский архив», 1873, кн. 1-я, стр. 955.

своими мыслями о нем, как человек, серьезно заинтересованный в деле и надевшийся в разговорах и спорах со своими собеседниками проверить и укрепить свои собственные догадки и соображения.

Из работ, посвященных «Слову», Пушкину, помимо первопечатного издания 1800 г., осуществленного гр. А. И. Мусиным-Пушкиным, в сотрудничестве с А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантышом-Каменским¹, и соответствующих страниц III тома «Истории государства Российского» Карамзина, где идет речь о «Слове», известны были, по его собственному заявлению², труды А. С. Шишкова³, Я. Пожарского⁴, Н. Грамматина⁵ и А. Вельтмана⁶. Все эти авторы фигурируют попутно и в суждениях Пушкина о «Слове». Кроме того, в библиотеке Пушкина были следующие издания, относящиеся к «Слову»: перевод его на современный русский язык И. Левитского («Ироическая песнь о походе Игоря на половцов, писанная на славянском языке в XII столетии, ныне переложенная в стихи старинной русской меры Иваном Левитским». СПб. 1813), издание «Слова» Ганки с проложенными между

¹ У Пушкина под руками был, между прочим, экземпляр издания «Слова» Мусина-Пушкина с пометками археолога А. Я. Италинского, как это видно из письма А. И. Тургенева к Жуковскому от 28 марта 1937 г.: «Может быть, найдется у вас и Песнь о полку Игореву in 4°, в бумажке, с отметками карандашом Италинского. Я иссудил ею Пушкина для его издания этой песни. Пожалуйста, поищите. Пропадет, и никто не узнает, что рука единственного русского археолога объясняла певца древнейшего; да и объяснения — по восточным языкам — важны» («Русский библиофил», 1916, № 4, стр. 34—35).

² См. Соч. Пушкина, изд. Академии наук СССР, т. IX, 2, стр. 587.

³ «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова», с переводом и с примечаниями, в «Сочинениях и переводах Российской академии», СПб. 1805, кн. VIII, стр. 23—234, и в «Собрании сочинений и переводов адмирала Шишкова», СПб. 1826, ч. VII, стр. 1—149, и т. XI, стр. 332—401. В библиотеке Пушкина был т. VII второго из указанных изданий (см. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, стр. 116—117).

⁴ «Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгород-Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний», СПб. 1819.

⁵ «Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славенском языке прозою и с оной переложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального переложения, с историческими и критическими примечаниями, с критическим же рассуждением и родословною». М., 1823.

⁶ «Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом». М., 1833.

страницами чистыми листами («Слово о полку Игореве, Slovo o plku Igorevie. Slovianom latinskago pisma. Vierno v podlinnom jazycie, s reskym i niemeckym prevodom. Izdano Viabreslavom Hankoju». Prazie, 1821), исследование о «Слове» С. В. Руссова («О подлинности древнего русского стихотворения, известного под названием: «Слово о полку Игореве, Игоря Святославля, сына Ольгова». СПб. 1834)¹. Имелся в библиотеке Пушкина и апрельский номер «Журнала министерства народного просвещения» за 1836 г. со статьей М. А. Максимовича «Песнь о полку Игореве», но страницы статьи и тут не разрезаны². Нельзя сомневаться в том, что Пушкину известны были и другие работы по «Слову», вышедшие до 1837 г.; в частности, он, конечно, знаком был с рецензией Сенковского на те страницы книги А. Глаголева «Умозрительные и опытные основания словесности», в которых идет речь о «Слове» (рецензия эта была напечатана в «Библиотеке для чтения» в 1834 г.), с изложением взглядов на «Слово» Каченовского и со статьями о «Слове» Беликова и Давыдова (все это напечатано было в «Ученых записках Московского университета» в 1834 г.). Знал Пушкин и некоторые соображения о «Слове» Востокова, судя по собственноручной выписке его из письма Востокова к неизвестному адресату³, и, как указано выше, — соображения польского ученого Кухарского о Трояне, сообщенные Пушкину П. И. Кепшеном.

Самостоятельная работа Пушкина над «Словом» выразилась в исправлениях и пометках, сделанных им в переводе «Слова» на современный русский язык, принадлежавшем Жуковскому, не напечатанном им и относящемся к 1817—1819 гг.⁴, в таких же исправлениях и по-

¹ См. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, стр. 57, 245, 90.

² См. там же, стр. 127.

³ Публиковалась несколько раз. Последняя публикация с комментариями М. А. Цявловского — в сборнике «Рукою Пушкина», стр. 585, 586.

⁴ Писарская копия этого перевода с поправками Жуковского и исправлениями и пометками Пушкина по рукописи Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (тетрадь № 2386) впервые издана и комментирована Т. Г. Зенгер в сборнике «Рукою Пушкина», стр. 127—149. Еще в 1882 г. в «Чтениях Общества истории и древностей российских», кн. 2-я Е. В. Барсов опубликовал по другой, очень неисправной писарской копии, заключающей в себе исправления и пометки Пушкина, текст перевода Жуковского, ошибочно приписав его Пушкину. Подробнее об этом см. в упомянутом комментарии Т. Г. Зенгер («Рукою Пушкина», стр. 148—149).

метках, но в меньшем количестве, сделанных в экземпляре упомянутой выше книги А. Вельтмана, заключающей в себе перепечатку текста первого издания «Слова», его прозаический перевод и «примечания и толкования» к переводу¹, и, наконец, в черновой, незаконченной статье о «Слове»² и в отрывочных замечаниях к нему, написанных на клочках бумаги³.

Как в переводе Жуковского, так и в переводе Вельтмана Пушкин свое отношение к переводам и толкованиям обоих выражал подчеркиваниями отдельных слов и выражений, пометкой NB, исправлениями, приписками и замечаниями на полях.

Основная статья Пушкина о «Слове» имеет характер черновика, наскоро писавшегося. В нем Пушкин часто ограничивался лишь намеками, которые, видимо, позднее должны были быть развиты и литературно обработаны. Как указал уже Анненков, в некоторых местах этой статьи не дописаны ссылки на авторов и не договорены даже мысли самого Пушкина. Написанное на клочках бумаги писалось, очевидно, в качестве подсобных заметок к статье, которые в ней тогда же получали дальнейшее свое оформление.

Судя по соответствию, почти полному,* поправок и пометок Пушкина, сделанных им в переводах Жуковского и Вельтмана, с той частью статьи о «Слове», которая заключает в себе анализ и толкование отдельных его мест, и с предварительными набросками к этой части, работа Пушкина и над правкой переводов и над писанием статьи и набросков к ней протекала у него одновременно.

Нужно думать, что толчком к этой работе послужила присылка Пушкину Вельтманом 4 февраля 1833 г. экземпляра его книжки со следующим сопроводительным письмом: «Александр Сергеевич, п е т и б ы л о т е б е, В е л е-

¹ См. описание этого экземпляра в труде Б. Л. Модзалевского «Библиотека Пушкина» — «Пушкин и его современники», вып. IX—X, стр. 20—21.

² Впервые с некоторыми пропусками опубликована Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» (Соч. Пушкина, т. I, СПб. 1855, стр. 478—487). См. Полн. собр. соч. Пушкина, 4-е изд. Гослитизд. М. 1936, т. 6, стр. 246—254. Варианты к статье — в соч. Пушкина, изд. Акад. наук, т. IX, 2, стр. 586—591.

³ См. Полн. собр. соч. Пушкина, 4-е изд., Гослитиздат, т. 6, стр. 254, и «Рукою Пушкина», стр. 217—220. В настоящем издании цитаты из статьи и замечаний Пушкина о «Слове» приводятся по подлинным рукописям.

сову внуку, соловью сего времени, песнь Игореву того Ольга внуку, а не мне; но досада взяла меня на убогие переводы чудного памятника нашей древней словесности, и — я выкинул в свет также, может быть, недоношенное дитя. Посылаю на суд и осуждение. Я доволен по крайней мере тем, что в моем переводе сулица — не маленький щит, болог не благо, век не вече и не сеча; харалуг не харя и луг; ток не кровавая ладонь; Ярослав — не Изяслав; и нет в моем переводе ни кур, ни петухов, и не запрягают Игоря в плуг пахать землю. — Желал бы знать мнение Пушкина о Песни ополчению Игоря; говорят все добрые люди, что он не просто поэт, а поэт-умница, и знает, что смысл сам по себе, а бессмыслица сама по себе, и потому я бы словам его поверил больше, чем своему самолюбию¹...» Письмо заканчивается сожалением, что Пушкин отложил издание журнала до следующего года, так как перевод «Слова» предназначался Вельтманом именно для пушкинского журнала.

Однако, судя по тому, что один из листов, вложенный в книгу Вельтмана и содержащий в себе заметку Пушкина о «Слове», датируется 1836 годом, что этим же годом датируются и другие листочки, на которых Пушкин делал заметки к «Слову», наконец, основываясь на том, что показания современников говорят об особенном интересе Пушкина к «Слову» в 1836 году, следует согласиться с Т. Г. Зенгер, что работа Пушкина над «Словом» в основном падает на 1836 год, в особенности на самый конец его². В таком случае нужно предположить, что при получении экземпляра книжки Вельтмана Пушкин лишь бегло с ней ознакомился, вплотную занявшись ею лишь через три с лишним года, когда принялся сам за толкование «Слова».

Конкретным объяснениям отдельных мест «Слова» в статье Пушкина предшествуют общие указания на судьбу рукописи памятника, на время ее написания и на качество перевода в первом издании. Перевод Пушкин расценивает в общем сочувственно, упрекая последующих толкователей в том, что они «наперерыв затмевали неясные

¹ Переписка Пушкина, т. III, стр. 3. И. А. Шляпкин («Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», СПб 1903, стр. 175) правдоподобно предполагает, что, говоря об «убогих переводах», Вельтман имел в виду перевод Грамматина.

² «Рукою Пушкина», стр. 146—147.

выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными», и подчеркивая в то же время солидность объяснений «Слова», сделанных мимоходом Карамзиным в его «Истории государства Российского». Вслед затем Пушкин утверждает подлинность «Слова», сначала ссылаясь на авторитет Карамзина, Ермолаева, Востокова, Ходаковского и Шлецера, из которых первые четыре никогда не сомневались в подлинности памятника, а последний, усомнившись в этом до знакомства со «Словом», отбросил всякие сомнения, когда «Слово» было им прочитано. Далее, по взгляду Пушкина, подлинность «Слова» доказывается «духом древности, под который невозможно подделаться». Среди русских писателей он не может назвать ни одного, у которого хватило бы настолько таланта, чтобы подделать «Слово»: Карамзин не был поэтом, Державин не знал и русского языка, а не только языка «Слова»; прочие же «не имели все вместе: столь поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства». «Кому пришло бы в голову, — спрашивает затем Пушкин, — взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание всех наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна?..» Пушкин здесь подпал под влияние первых толкователей языка «Слова», сблизивших этот язык с разнообразными славянскими языками. Отсюда и заключительный абзац общей, вступительной части статьи, в котором Пушкин к числу славянских языков относит ошибочно и язык молдавский: «Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносова оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских, ни других наречий славянских».

Переходим к работе Пушкина над переводами Жуковского и Вельтмана в связи с самостоятельными его попытками объяснить в своей статье некоторые спорные места «Слова».

Во вступлении к «Слову» в переводе Жуковского:

Не прилично ли будет нам, братья,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря...

Пушкин подчеркнул частицу *ли*. Смысл этого подчеркивания уясняется из § 1 замечаний Пушкина к «Слову», где он, комментируя соответствующее место подлинника — «Не лепо ли ны бяшет, братие» и т. д.¹, пишет: «Все, занимавшиеся толкованием Слова о полку Игореве, перевели: Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы, было воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича», и затем утверждает, что «*ли*» в древнем славянском языке и в новых славянских языках не всегда придает фразе вопросительный смысл: иногда *ли* значит только, иногда — бы, иногда — же, в русских песнях эта частица иногда не имеет никакого смысла и вставляется лишь для соблюдения меры, так же как и частицы *и*, что, а, как, уж, уж как (Замечание Тредьяковского)». В более раннем черновом наброске этого параграфа Пушкин в качестве примера для подтверждения своей мысли приводит начальные слова песни: «Во саду ли в огороде».

В своем толковании этого места «Слова» Пушкин исходит в первую очередь из логических соображений: если согласиться с переводчиками, которые в общем передают начало «Слова» приблизительно так: «Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому), а не по замышлению Боянову (т. е. не по-старому)», то получится явное противоречие, тогда как если мы признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не имеет, то получится: «Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна». Такое толкование Пушкин защищает еще, исходя из мысли, что «стихотворцы никогда не любили упрека в подражании», и поэтому автор «Слова» не преминул заявить в начале «поэмы, что он

¹ Здесь и в дальнейшем в цитатах из подлинного текста «Слова о полку Игореве» воспроизводятся чтения первого издания, но в орфографии, приближенной к современной. Эти чтения в своих выписках, как правило, приводит и Пушкин, отступая от них иногда в орфографических деталях, видимо, лишь по рассеянности. Такие отступления нами не оговариваются.

будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна». Подтверждением этого, как думает Пушкин, является и глагол *бъшет*, употребленный в прошедшем времени и предполагающий вслед за собой условную частицу *бы*: «Неприлично было бы», в то время как вопрос требовал бы настоящего или будущего времени.

В приводимых Пушкиным образцах переводов начала вступления к «Слову» — «Не лучше ли нам, братцы...» принадлежит Я. Пожарскому, «Не славно ли, други...» — А. Вельтману, «Не пристойно ли бы нам было, братья...» — Н. Грамматину. Начало: «Не прилично ли будет нам...» в известных нам переводах «Слова» отсутствует. А. Шишков, исправляя перевод мусин-пушкинского издания «Приятно нам, братцы, начать древним слогом прискорбную повесть...», предлагает «Не лепо ли ны бъшет» перевести: «Прилично, пристойно нам будет», и тогда, по его мнению, общая мысль начала вступления выразится так: «Не пристойно нам будет, братие, начать повествование наше о походе Игоря тем слогом, каким в древние времена описывались многотрудные подвиги».

Таким образом, вопреки общему смыслу утверждения Пушкина, Мусин-Пушкин и Шишков, так же как и Пушкин, несмотря на присутствие во фразе частицы *ли*, в самой фразе видели утверждение, а не вопрос, хотя и разошлись с Пушкиным в толковании слов «не лепо», явно насилуя их смысл. Сходно с Мусиным-Пушкиным и Шишковым фразу эту перевел в стихах и И. Левитский.

Защищая утвердительный смысл начала вступления к «Слову», Пушкин пишет: «В другом месте «Слова о полку» ли поставлено также, но все переводчики решили, что это есть ошибка переписчика, и перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь». Нужно думать, что в этом случае Пушкин имеет в виду фразу «Слова»: «чи ли въспети было, вещей Бояне, Велесовь внуче». Действительно, переводчики — современники Пушкина — в большинстве случаев переводили эту фразу в форме утверждения. В издании Мусина-Пушкина переведено: «Тебе бы, мудрый Боян, внук Велесов! сие воспеть». Шишков перевел: «Тебе было воспеть их» и т. д. Левитский — «О, Боян, Велесов мудрый внук, Ты бы должен все воспеть сие!» Вельтман — «Вот, вот что воспеть бы тебе, о Боян, внук Велеса». Жуковский — «Тебе бы петь, вещей Боян, внук Велесов». Лишь Пожар-

ский и Грамматин перевели эту фразу вопросительным оборотом. У первого читаем: «или воспеть нам, веший Боян, внук Велесов!», у второго — в прозаическом переводе: «разве не воспеть ли было тебе, мудрый Боян, Велесов внук?» Впрочем, Грамматин тут же предлагает и второй вариант, в утвердительной форме: «что! когда бы воспеть тебе, мудрый Боян» и т. д. В утвердительной форме эта фраза передана у Грамматина и в стихотворном его переводе.

В первоначальном варианте выписанной выше цитаты Пушкин написал: «частица ли не всегда означает вопрос. В песни о плъке встречается [несколько] два-три места, [где] коего смысл явно утвердителен, несмотря на сию частицу, и [все] толкователи почли ее за описку»¹.

Под «двумя-тремя местами» Пушкин имеет в виду, очевидно, следующие фразы «Слова»: «Се ли створисте моей сребреней седине!» и «Ты, буй Рюриче, и Давыде, не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают, акы тури ранены саблями калеными, на поле незнаеме?» Первая фраза переведена была Вельтманом так: «но что же вы сделали, дети, с моей сединой серебрястой!» и Пушкин не сделал в ней никаких отметок. В переводе же Жуковского — «То ль сотворили вы моей серебряной седине!» частицу ль Пушкин вычеркнул. Две следующие фразы в переводе Вельтмана читались следующим образом: «Не ваши ли шлемы златые неслись по кровавой реке? Не ваша ли рать востонала, как вол, пораженный каленою саблей в неведомом поле?» В обеих фразах Пушкин, подчеркнув частицу ли, взял ее в скобки, а вопросительные знаки зачеркнул. В переводе Жуковского:

Не ваши ль позлащенные шелома в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры калеными саблями ранены в поле незнаком!

Пушкин зачеркнул ли и ль, но вопросительный знак в первой фразе оставил незачеркнутым.

Таким образом, во всех¹ этих трех фразах он, в согласии со своим пониманием значения частицы ли в «Слове о полку Игореве», как и в начальной фразе «Слова», усматривает не вопросительный оборот, а утвердительный. По-

¹ Взятые здесь в квадратные скобки Пушкиным зачеркнуты.

стует он так вопреки всем переводчикам и толкователям «Слова», не сомневающимся в том, что мы имеем здесь дело с вопросительным оборотом.

Наконец, предполагая пропуск частицы бы после бѣшет, Пушкин, возможно, следовал за Ганкой и Грамматиним, из которых первый ввел эту частицу в самый текст «Слова», а второй — в перевод его. Как разъяснили, однако, позднейшие исследователи памятника, условное значение в данном случае глагола бѣшет не требовало прибавления частицы бы.

Толкование первых строк «Слова о полку Игореве», предложенное Пушкиным, как очень сомнительное, не было поддержано последующей критикой, несмотря на всю его оригинальность и логическую стройность. Очень вероятно, что оно имело полемическую подкладку — стремление лишней раз уязвить приверженцев шишковистской «Беседы любителей русского слова», отстаивавших архаистические тенденции литературного языка. Недаром возражение против переводчиков и толкователей этих строк Пушкин снабдил следующим примечанием в сноске: «Очень понимаем, почему А. С. Шишков не отступил от того же мнения. Ему, сочинителю Рассуждения о древнем и новом [слоге], было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя Слова о полку Игореве предпочитали былины своего времени старым словесам».

Далее Пушкин остановился на толковании фразы «Слова»: «Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы». В переводе этого места у Жуковского он подчеркнул слово «растекался» и рядом с ним на полях написал «то носился» и на полях же в скобках написал «славием». В переводе Вельтмана Пушкин подчеркнул явно неудачную и неверную передачу подлинника в этом месте. В своих замечаниях по поводу указанной цитаты он, не решая вопроса, упрекает ли здесь автора «Слова» Бояна, или хвалит его, предполагает во фразе пропуск слова «славием», довершающего уподобление, и высказывает догадку, что следует читать: «растекашется, скача славием по мыслену древу», тем более, что ниже употреблено это выражение.

Пушкин в этой конъектуре частично предвосхитил мысль позднейших толкователей «Слова», которые обратили внимание на то, что рядом с «серым волком» и «шизым

орлом» — конкретными существами — стоит, как бы нарушая естественное соответствие, абстрактное понятие «мысли». Еще Полевой в «Московском телеграфе» (1833 г., ч. 5-я, стр. 438, примечание) высказал догадку, что под «мыслию» нужно разуместь какого-нибудь зверька или птицу, а позже Карелкин («Отечественные записки», 1854 г., № 3, отд. IV, стр. 7) предложил читать вместо «мыслию» — «мысию», т. е. белкой, и его конъектура была принята рядом комментаторов и переводчиков «Слова». В 70-х годах Н. М. Павлов (Бицын) («Слово о полку Игореве» в русском переводе..., М., 1874) и А. Скульский («Слово о полку Игореве». Переложение в стихах..., Ярославль, 1876) в своих переводах слово «мыслию» заменили словом «соловьём», а О. Огоновский («Слово о полку Игореве». Поэтический памятник русской письменности XII вѣку», Львов, 1876) в тексте «Слова» рядом с «мыслию» поставил «славием». Ту же поправку приняли и Б. А. Яковлев («Слово о полку Игореве», СПб., 1891). Что касается пушкинской конъектуры «по мыслену древу» вместо «мыслию по древу», то она не нашла себе повторения ни в одной из последующих работ по «Слову».

Мысль Пушкина о том, что автор «Слова», быть может, упрекает Бояна за его «растекание», высказана была позже Сенковским («Библиотека для чтения», 1854, т. 124, стр. 5), а в наши дни Н. А. Асеевым, видящим в описании полета фантазии Бояна легкое издевательство над ним со стороны автора («Слово о «Слове». «Литературная газета», 1934 г., № 175 (491) от 31 декабря).

Следующее место в «Слове», обратившее на себя внимание Пушкина, — «Помняшеть бо речь первых времен усобице». Жуковский перевел это место так: «Вам памятно, как пели о бранях первых времен», у Вельтмана же читаем: «Он помнил преданья о междуусобьях прошедших времен». В переводе Жуковского Пушкин подчеркнул слово «Вам», в переводе Вельтмана — слово «междуусобьях», и к слову «Помняшеть» в тексте оригинала, напечатанного в книжке Вельтмана, приписал на полях: «Ибо когда». В своих замечаниях Пушкин пишет: «Ни один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; все это продолжение старой мысли: помяная предания о прежних бранях (усобица значит брань, ополчение, а не междуусобие, как перевели некоторые...), напускал он и проч.» Пушкин имел здесь в виду, очевидно, переводы первого издания, Шишкова, Левитского, Пожар-

ского, Ганки и самого Жуковского, где воспоминание о десяти соколах связывается не с Бояном, как следовало бы, а с теми, кто вообще помнил такой обычай соколиной охоты. Вельтман, как мы видели выше, это место толкует согласно с Пушкиным, если не считать того, что «усобица» он переводит словом «междуусобие», тогда как Пушкин придерживался того понимания этого слова, какое дано было переводчиками первого издания («сражение»), Пожарским («брань»), Жуковским (также «брань»). Но Пушкин не обратил внимания на то, что Грамматин перевел это место совсем в духе его толкования: «помнил он сказание давно минувших времен о войне» и т. д.

Толкование Пушкиным «усобицы» как «брани» имеет свои серьезные основания, особенно если принять во внимание такое место «Слова», как «Усобица князем на поганья погыбе», которое Жуковский, как не только ранние, но и последующие переводчики и толкователи, перевел: «Миновалися брани князей на неверных!»

Образ десяти соколов, пущенных на стадо лебедей, — олицетворение десяти пальцев, возлагаемых на струны, — Пушкин очень высоко оценил с художественной точки зрения: «Поэт изъясняет, — писал он, — иносказательный язык соловья старого времени, и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример». Ошибочно приписывая Шишкову сравнение этого места «Слова» с началом поэмы С. Геснера «Смерть Авеля» (Шишков с началом поэмы Геснера сравнивал не игру Бояна на гуслях, а характеристику песенного искусства Бояна), Пушкин тем не менее был совершенно прав, возражая против какого бы то ни было сближения «Смерти Авеля» со «Словом»: «Но что есть общего между манерной прозой г-на Геснера и поэзией Песни об Игоре?» — спрашивает он в примечании к своей статье о «Слове». Приведя далее толкование Шишкова, сводящееся к тому, что в древнее время соколиная охота служила не только к увеселению, но и к прославлению героев или к решению спора о том, кому из них отдать преимущество, и считая это толкование «любопытным», Пушкин приводит и возражение на него Пожарского, которому представляется «неприличным для русских князей доказывать первенство свое, кровью приобретенное, полетом соколов» и который полагает, что не князья, а стихотворцы напустили соколов и делали это по своей скромности, не желая выставлять себя на первое место перед товарища-

ми. Вслед за этим приводится и контрвозражение Шишкова, который в мнении Пожарского видел «крайнюю неосновательность и несчастное самолюбие». Судя по заключительным словам абзаца пушкинской статьи — «К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил», Пушкин в этом споре преимущество отдавал Пожарскому.

Строку текста «Слова» — «они же сами князем славу рокотаху» Жуковский перевел: «И сами они славу князьям рокотали (звучали)». В этой фразе Пушкин подчеркнул слово «славу». Смысл подчеркивания уясняется из исправления Пушкиным соответствующей строки в переводе Вельмана — «И струны во славу князей рокотали», где слово «славу» также подчеркнуто Пушкиным и на полях рядом с ним написано — «хвалу».

Переходя к толкованию следующих строк «Слова» — «Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря, иже истягну¹ ум крепостию своею», Пушкин, без более конкретного уточнения, отмечает, во-первых, что этими словами определяется эпоха, в которую написано «Слово о полку Игореве», во-вторых, дает объяснение слову «истягну», которое, в отличие от объяснения Пожарского («препоясал»)² и толкователей первого издания («напрягши ум крепостию своею»), он предлагает переводить: «вытянул», «натянул», «изведал», «испробовал». Этот перевод подсказан был Пушкину, видимо, переводом Жуковского, в котором читаем: «Натянул он ум свой крепостию». Это явствует и из того, что в переводе соответствующей строки у Вельмана — «который, расширив могуществом ум свой» — Пушкин подчеркнул слово «расширив» и рядом с ним на полях написал «натянув».

Переводы текста «Слова о полку Игореве» от слов «наполнився ратнаго духа» и кончая словами «да позрим си-него Дону», принадлежащие Жуковскому и Вельману, не вызвали возражений у Пушкина. В своих замечаниях к этим местам он не сказал чего-либо существенного. Большое значение имеет его попытка объяснить идущую вслед затем неясную фразу «Слова»: «Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго». В переводе Жуковского это место читается так: «Вспала

¹ У Пушкина ошибочно «Владимира» и «истягнул».

² У Пушкина ошибочно «опоясал».

князю на ум охота, // А знамение заступило ему желание // Отведать Дона великого». Слова «заступило ему» Пушкин исправил на «закрыло от него», пояснив в своей статье, что «заступить» имеет несколько значений: «омрачить», «помешать», «удержать». В целом толкование этого места у Пушкина таково: «Спали князю в ум желание и печаль. Ему знамение мешало (запрещало) искусить Дону великого». До известной степени это толкование близко к толкованию Вельтмана, переведшего соответствующее место текста памятника словами: «Желание испить из великого Дона умом овладело; а грустные мысли о знамени неба — душою» и давшего в примечании такое толкование: «Тоска, произведенная знаменем неба, заступила похотение ума искусить Дону великого».

Объясняя следующую затем фразу «Слова» — «Хощу бо, рече, копие приломити конец поля половецкого, с вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону», Пушкин в особой заметке, вложенной в книгу Вельтмана, пишет: «Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское — нет; это значит просто неудачу: или сломится копье мое, или напьюсь из Дону, тот же смысл, как и в пословице: «либо пан, либо пропал». Н. К. Козмин¹ указал, что Пушкин здесь ошибался, приписав Сенковскому суждение Каченовского, который заметил (см. «Ученые записки Московского университета» 1834 г., ч. V, № 3, стр. 457): «Хощу копие приломити... с вами. Фраза рыцарская!! *Rompre une lance* авес и также *rouir quelqu'un*. Смотри Словари. Странная встреча!» М. А. Цявловский сомневается в догадке Н. К. Козмина, ссылаясь на то, что хотя при жизни Пушкина Сенковский не высказывался относительно данного места «Слова», но в рецензии 1854 г. на перевод «Слова» Н. Гербеля он по поводу «хощу бо... копие приломити»... сделал примечание: «*Rompre les lances* — выражение, принадлежащее турнирам французского рыцарства», и Пушкин, такое суждение Сенковского мог слышать еще при своей жизни². Однако, очевидно, прав здесь Н. К. Козмин, а не М. А. Цявловский. Во-первых, вряд ли Пушкин мог ссылаться на мнение Сенковского, не высказанное им в печати; во-вторых, о Каченовском заставляют думать и слова Пушкина «с удивлением видит»: Каченовский выражение

¹ Соч. Пушкина, изд. Акад. наук СССР, т. IX, 2, стр. 594.

² «Рукою Пушкина», стр. 219—220.

«Фраза рыцарская» снабдил двумя восклицательными знаками и затем написал: «Странная встреча!», что и давало естественный повод думать об его удивлении. Как бы то ни было, сопоставление толкуемого Пушкиным места из «Слова» с другими современными или близкими по времени к «Слову» памятниками русской литературы убеждает нас в том, что формальная правота в данном случае была не на стороне Пушкина, а на стороне Каченовского и Сенковского.

Однако за этой внешней правотой того и другого крылось в основе своей ложное воззрение на «Слово» как на подделку. Каченовский и Сенковский, принижавшие русское прошлое, рассматривавшие древний период русской истории как эпоху варварства, естественно не склонны были видеть в древнерусском общественном укладе чего-либо напоминавшего западноевропейское рыцарство. Пушкин, по другим основаниям, скорее всего в силу малой разработанности в ту пору русской истории, не догадывался о существовании у нас аналогий с западноевропейскими формами рыцарского быта и, опровергая домысл Каченовского, объективно лишней раз вставал на защиту подлинности «Слова» и таким образом по побудительным основаниям своего полемического замечания внутренне был прав.

Дальнейшие поправки Пушкина сделаны были прежде всего в следующих строках перевода Жуковского:

О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропкою Троянвою чрез поля на горы.

Пушкин подчеркнул здесь слова «Как бы», очевидно, вполне основательно возражая против перевода таким образом слова подлинника «абы» (если бы), затем взял в скобки «соловьём» и, наконец, в словах «все славы сего времени», соответствующим «славы оба пола сего времени» подлинника, подчеркнул «славы», исправил перевод так: «со всех сторон сплетая хвалы». «Соловьём» взято Пушкиным в скобки, нужно думать, потому, что он совершенно правильно, вопреки переводу первого издания и переводам Жуковского и Пожарского, но в согласии с Грамматиным, видел тут обращение, а не сравнение, что явствует из частично переведенной им на современный русский язык выписки этого места в его статье: «О Бояне, соловью ста-

раго времени, абы ты сиа плки ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облаками, сплетая хвалы на все стороны сего времени...» При этом Пушкину кажется, что здесь «ирония пробивается сквозь пышную хвалу». Перевод «славы» «хвалой» выдерживается у Пушкина почти на всем протяжении «Слова о полку Игореве». Мысль же об ироническом отношении автора к песнотворчеству Бояна была высказана Пушкиным, как мы видели, еще раньше. В таком толковании отношения автора «Слова» к поэтическим взлетам Бояна, быть может, сказалось ироническое отношение самого Пушкина к тому, что он считал пышной риторикой, нарушавшей ясность и простоту поэтического выражения.

Вслед затем Пушкин упрекает толкователей «Слова», пытавшихся безуспешно, по его мнению, разгадать таинственное имя Трояна, четырежды упоминаемого в «Слове». Пушкину представляется очень сомнительным осмысление Трояна путем обращения к Троянову валу, проходящему через Бессарабию, и к римскому императору Траяну. Он предпочитает, вслед за толкователями первого издания «Слова», вовсе отказаться от попыток объяснить то, что, по его мнению, объяснению не поддается. Если мы примем в расчет, что и по настоящее время «Троян», «тропа Трояня», «земля Трояня» «Слова» продолжают оставаться загадочными, мы не поставим Пушкину в упрек этот его отказ. Интересом Пушкина к упоминаемому в «Слове» Трояну, как указано выше, была вызвана его беседа по этому поводу с П. И. Кеппеном, приславшим Пушкину летом 1836 г. изложение на немецком языке взглядов на этот предмет польского ученого Кухарского, предлагавшего видеть в Трояне не римского императора, а константинопольского полководца Траяна, который в царствование Валентиниана сражался на низовьях Дуная со славянами и был ими разбит в 376 г. нашей эры. От этого счастливого события, по предположению Кухарского, некоторые славяне вели свое летосчисление, и тогда становится ясным, почему в «Слове» о Всеславе говорится, что он завладел Новгородом «на седьмом веце Трояни» (событие это относится к 1067 г.).

Переходя к следующим строкам перевода Жуковского:

Тебе бы песнь гласить Игорю, того Юлега внуку,
Не буря соколов занесла чрез поля широкие!
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук велесов!
Ржут кони за Судюю... и т. д.

Пушкин делает перестановку строк, в результате которой получается следующее чтение:

Тебе бы песнь гласить Игорю, того Олега внуку,
Тебе бы петь, вещей Боян, внук велесов!
Не буря соколов занесла чрез поля широкие!
Галки стадами бегут к Дону великому!
Ржут кони за Сулою... и т. д.

В черновой заметке относительно этой перестановки Пушкин говорит: «Тут должна быть перестановка стиха — je le retablis — Я читаю таким образом: —

Тебе бы петь etc...
Не буря etc...

Чрез то описание Игорева нашествия делается полнее и живее».

Однако затем Пушкин отказался от этой излишней перестановки. В статье о «Слове» он пишет: «Пети было песнь Игореву, того Ольга внуку». Поэт повторяет опять выражения Бояновы — и, обращаясь к Бояну, вопрошает: «или, не так ли петь было, вещей Бояне, Велесов внуче?» («Комони ржут за Сулою; звенить слава в Кыеве; трубы трубять в Новеграде; стоять стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода».) И далее он очень тонко замечает: «Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени».

Начало обращения Всеволода к Игорю в переводе Жуковского —

Седлай же, брат, борзых коней своих!
А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском!
Метки в стрельбе мои Куряне!

явно не удовлетворило Пушкина: он, подчеркнув слово «готовы», рядом с ним написал «известны», затем подчеркнул слова «пред Курском» и «Метки в стрельбе мои Куряне!» В статье о «Слове» он настаивает на том, что «готовы» значит известны, ссылаясь на то, что такое значение «готовы» имеют в «иллирийском славянском наречии»¹.

¹ В черновой записи Пушкин отметил: «Готовый» на языке западных славян — неизвестный». Здесь, очевидно, описка: «неизвестный» вместо «известный».

При этом он указывает на то, что ниже половцы бегут «неготовыми дорогами», и спрашивает: «Если же неготовыми значило бы немощными, то что же бы значило готовые кони?» (У Жуковского, как и у переводчиков первого издания и у Пожарского, «неготовыми дорогами» подлинника переведено «не готовыми дорогами», и слова «не готовыми» Пушкиным подчеркнуты.)

Сопоставление с подходящими древнерусскими текстами выражения «Слова» «а мои ти готовы» убеждает в том, что Пушкин ошибся в своем толковании слова «готовы», быть может, поддавшись влиянию перевода Левитского, у которого «не готовыми» истолковано как «незнаемыми». (Ближе к истине были Грамматин и Вельтман, из которых первый «не готовыми» перевел «не проложенными», а второй употребил выражение «бегут без пути, без дороги».)

«Пред Курском» в переводе Жуковского Пушкин подчеркнул, очевидно, потому, что «наперед» «Слова» сам переводил, как переводчики первого издания, — «давно» или, как Ганка, — «прежде» («napred»).

Подчеркнутое Пушкиным в переводе Жуковского «Метки в стрельбе мои Куряне» является неудачным осмыслением Жуковским неудачного чтения первых издателей «Слова», прочитавших: «а мои ти куряне сведоми къ мети» и в соответствии с этим переведших: «Мои Курчаны в цель стрелять знающыи». Но еще Карамзин при пересказе «Слова» в VII главе III тома «Истории государства Российского», в примечании 272, толкуя «Девгениево деяние», косвенно исправил ошибку первых толкователей «Слова», читая «къмети» как одно слово и перевода его словами «витязи», «слуги». Ошибку мусин-пушкинского издания повторили Шишков, Левитский, Пожарский и Ганка, но Грамматин и Вельтман читали уже «къмети», и первый перевел это слово словом «всадники», второй — так же как и Карамзин, — в прозаическом переложении — «витязи», в стихотворном же оставил без перевода. В примечаниях, кроме того, Вельтман пояснил, что «кмет» значит «частный начальник», «староста». Неясно поэтому, почему Пушкин в статье о «Слове» приписывает Вельтману толкование слова «кмет» как «крестьянин», «мужик», приводя при этом фразу на словинском языке, в книжке Вельмана отсутствующую. Быть может, и новое толкование слова «кмет» и словинская фраза сообщены были Пушкину в не дошедшем до нас письме Вельмана. На Грамматина

и Вельтмана в связи с объяснениями этого слова Пушкин ссылается бегло в черновой записи, предшествовавшей по времени статье: «Из Грамм[атина] кмети (выписка из Вельтм[ана])». И далее у Пушкина здесь повторяется отождествление кмета с крестьянином: «Кмет на языке западных славян значит простолудин, мужик». В последнем случае Пушкин прав, но в древнерусском языке кмет как раз означало — витязь, воин.

Приведенными замечаниями исчерпывается сказанное Пушкиным о «Слове» в его статье и заметках о нем. Все дальнейшие его пометки и подчеркивания в переводах Жуковского и Вельтмана не сопровождались развернутыми замечаниями и суждениями о тех или иных спорных местах памятника. В переводе Вельтмана, во фразе «каждый повит под трубою» («под трубами повити» подлинника) Пушкин, подчеркнув слово «повит», на полях сделал пояснение: «повивальная бабка». В переводе Жуковского против фразы «Солнце дорогу ему тьмой заступило» он написал «сокрыло», заменив, очевидно, этим словом слово «заступило». В том же переводе во фразе «Свет-заря запала» он, подчеркнув «запала», рядом в скобках поставил и затем зачеркнул «пропала» — то же слово, которое употребил в своем прозаическом переводе и Грамматин. Там же, в переводе Жуковского, во фразе «Прошли времена благоденствием обильные», соответствующей фразе подлинника «убуди жирня времена», Пушкин подчеркнул слово «благоденствием» и сверху, рядом с написанным Жуковским и взятым им в скобки словом «жирные», написал «золотые», а на полях «Zir» (чешск. «корм») и «Zierde» (немецк. «украшение»), но в книжке Вельтмана, рядом с подчеркнутым «жирня» подлинника, он написал «тягостные». В первом случае он перевел в согласии с Вельтманом, у которого читаем: «Собою напомнили время златое!», во втором — в согласии с переводом первого издания, где находим: «разбудили времена тяжкие».

В словах перевода Жуковского «Мча разорение в пламенном роге!», соответствующих «смагу мычючи в пламене роге» подлинника, Пушкин подчеркнул слово «разорение» и сверху его написал «победу» и затем дважды подчеркнул слово «роге» и рядом с ним написал «дороге», кроме того, на полях он выписал: «смага». Следовательно, окончательное чтение Пушкина в его переводе было таково: «Мча победу в пламенной дороге». Оно у дальнейших толкователей этого места не нашло себе поддержки.

В тексте подлинника, напечатанном у Вельтмана, в словах «а злата и сребра ни мало того потрепати» Пушкин перед «того» сделал вставку «для». В переводе Жуковского этих слов — «А злата сребра много утрачено» он взял в скобки «много» и взамен написал сверху в скобках: «не мало для того», «для» подчеркнув. Согласившись с Жуковским — без достаточного, однако, основания — с тем, что «притрепати» значит «утратить», он вслед за ним ниже в тексте «Слова», напечатанном в книжке Вельтмана, во фразе «притрепа славу деду своему Всеславу», подчеркнув слово «притрепа», рядом с ним написал «Утратил» (у Жуковского это место переведено так: «Утратил он славу деда своего Всеслава»).

Слова подлинника «Игорь и Всеволод уже лжу убуди» Жуковский перевел: «Игорь и Всеволод раздор пробудили». Пушкин подчеркнул слово «раздор» и рядом с ним на полях написал «lozhba», что в старом словинском и хорватском языках означало «ложе» или «логовище».

Выражение «Слова» «иже погрузи жир во дне Каялы, реки половецкия» Жуковский перевел так же, как это сделано и в первом издании — «погрузившего силу на дне Каялы реки Половецкия», Пушкин же, подчеркнув слово «силу», на полях написал «тысячи», разумея, видимо, большое количество денег или большое количество войска. В обоих случаях замену Пушкина нельзя считать удачной.

Существенное исправление сделано далее Пушкиным в следующем месте перевода Жуковского:

Съшали мне пустыми колчанами
Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили,

соответствующего словам подлинника: «сыпахуть ми тьщими тулы поганых тльковин великий женчюгь на лоно, и негуют мя». Он зачеркнул «колчанами» и вместо этого написал «раковинами», взяв в скобки как слова «пустыми раковинами», так и «в нечистых раковинах». Кроме того, подчеркнув слово «нежили», он рядом с ним написал карандашом латинскими буквами слово, которое от времени стерлось настолько, что разобрать его трудно¹, и

¹ Т. Г. Зенгер («Рукою Пушкина», стр. 136) предположительно прочла «Herapie», но такое чтение не может быть никак осмыслено.

далее — «покидают, оставляют меня». Переводчики первого издания словом «раковины» ошибочно перевели слово «толковины». Так же ошибочно этим словом Пушкин перевел слово «тулы», оставив таким образом без перевода «поганых толковин». Здесь Пушкин, возможно, принял во внимание замечание Шишкова к переводу, сопровождавшему первое печатное издание. Шишков писал: «В предложении сии слова истолкованы: из пустых колчанов в нечистых раковинах. Сие совсем не понятно: ибо как можно вообразить себе жемчуг в раковине и в пустом колчане». Сам Шишков предложил такой перевод: «Из пустых нечистых раковин сыпали на лоно мое крупный жемчуг». Кроме того, Пожарский заметил: «Толковина не есть раковина, но мешок, в коем колчаны носят, колчанник, сайдак». Переводя «нежили» словами «покидают», «оставляют меня», он, видимо, сближал это слово с чешским или словинским «piěšas» — «оставить в покое», в то время как на древнерусском языке «неговати» значило «нежить», «ласкать»; другими словами, перевод Жуковского, как и первого издания, был правилен. В этом переводе Пушкин усомнился, быть может, под влиянием Пожарского, который писал: «Слова негуют мя не означают нежут или ласкают меня, ибо какая тут нега, когда подносят вино, с ядом смешанное? Польское слово nieguje (негую) значит противоречу, спорю».

Очень много забот не только первым, но и всем последующим толкователям доставило следующее темное место «Слова», несмотря на всевозможные конъектуры, продолжающее быть темным и до сего времени (приводим его в чтении мусин-пушкинского издания): «Всю ночь с вечера босуви врани възгряху, у Плесньска на болони беша дებрь Кисаню, и не сошлю к синему морю».

Жуковский перевел его так:

И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слегевшись на выгон в дებря кисановой!
Ужь не послать ли мне к синему морю?

Явно испорченные и невразумительные фразы «Слова» в переводе, как видим, не стали вразумительнее. И Пушкин не сделал попытки в целом уяснить это место. Он лишь исправил слово «граяли» на «играли — кричали» и, подчеркнув слова «зловещие» и «на выгон», попытался

«босуви» объяснить сначала как «плотоядные», затем «кровожадные», но потом, последовательно зачеркнув оба эти слова, написал «резвые». Вторично «грятти» Пушкин перевел словом «играть», исправив во фразе перевода Жуковского «тогда враны не гряжали» «гряжали» на «играли». Когда же он в том же переводе столкнулся с фразой «Соскочил с него босым волком» (в первопечатном тексте «Слова» также «босым вльком»), то, решив, очевидно, что «босым» — испорченное «босувим», перевел это слово ранее отвергнутым им словом «плотоядный».

«Уже тресну нужда на волю» Жуковский перевел словами «Неволя грянула на волю!» Пушкин рядом с этим написал: «Нужда сменила изобилие», близко к тому, как это место перевел Вельтман: «и восстала нужда на довольство». В самой книжке Вельтмана Пушкин, подчеркнув слово «волю» подлинника, на полях приписал: «приволье».

Слова подлинника «Но нечестно одолесте: нечестно бо кровь христианскую пролиясте» Жуковский перевел так:

Не с честью вы победили!
С нечестием пролили кровь неверную!

Пушкин, подчеркнув «Не с честью» и «С нечестием», очень удачно заменил эти слова словом «Неславно».

«С черниговскими былями» еще переводчики первого издания правильно перевели: «с черниговскими боярами»; Жуковский же ошибочно вместо «боярами» перевел «племенами», а Пушкин, подчеркнув это слово, заменил его, также ошибочно, словом «отраслями», очевидно, потому, что в древнерусском языке «быль» означало не только «боярин», «вельможа», но и «трава».

«Коли сокол в мытех бывает» те же переводчики первого издания также правильно перевели: «Когда сокол перелиняет». Но Жуковский заменил этот перевод словами «Сокол ученый...» Пушкин восстановил толкование первых переводчиков, вместо подчеркнутого им «ученый» написав «полинявший».

«На ниче ся годинины обратиша» Жуковский перевел — «Времена обратились на низкое». Пушкин «на низкое» заменил словом «навзничь», во всяком случае ближе передающим подлинник, чем перевод Жуковского.

Пушкина смутил правильный перевод Жуковским слова «папорзи» — «панцыри». Он подчеркнул «панцыри» и ниже написал «папорзи», а в замечании на перевод Вельтмана ис-

толковал это слово как «подпруги, застёжки» («ungula») (Вельтман перевел — «брони»).

В тексте «Слова», напечатанном в книжке Вельтмана, Пушкин далее «непобедными» в сочетании «непобедными жребии» перевел «счастливыми», пояснив на полях книжки свой перевод примером из народной песни: «Ты победный добрый молодец, // Бесталанная головушка» и передав смысл подлинника во всяком случае точнее, чем переводчики первого издания, а также Грамматин и Вельтман.

Переводчиков и комментаторов «Слова» в большое затруднение поставило слово «Хорс» во фразе подлинника «великому Хрѣсови влъком путь прерыскаше». Переводчики первого издания вовсе не перевели этого места, в примечании к нему оговорившись: «Не вразумительно». Шишков предполагал, что «Хорс» значит «Херсонь». Пожарский, возражая против толкования Шишкова, писал: «Хорс известен в числе болванов киевских, Дажь-бога, Страб-бога, Семаргла и Макоша». Жуковский принял толкование Шишкова, переведя — «К Херсоню великому волком он путь перерыскивал». Грамматин, так же как и переводчики первого издания, считая слово «Хорсови» недостаточно ясным, оставил фразу с упоминанием Хорса без перевода, но в примечании к этому слову, возражая против догадок Шишкова и Пожарского, склонился к толкованию Буткова, полагавшего, что «Хорсови» — описка — вместо «Днепрови». Наконец, Вельтман «Хорсови» перевел «Хрусу», пояснив в примечании, что под «Хорсом» нужно разуметь Хозарию. Пушкин никак не реагировал на перевод данного места у Жуковского, но к примечанию Вельтмана сделал приписку: «Один из идолов», примкнув таким образом к толкованию Пожарского, из всех тогда предложенных наиболее правдоподобному.

«Идут сморци мгылами» Жуковский перевел: «Идут мглою туманы». Пушкин против этих строк приписал на полях: «Сумраки с мглою». В таком толковании он ближе всего к Грамматину, у которого в прозаическом переводе читаем: «Находят сумерки подобно туману», а в стихотворном — «Как туман, простерся сумрак».

Далее — к словам подлинника в книжке Вельтмана «Игорь спит, Игорь бдит» Пушкин приписывает на полях очень удачное пояснение: «И во сне и наяву, и спит и видит».

Слова подлинника «кликну, стукну земля» Жуковский, как позднее Грамматин, перевел: «Кликнула, стукнула зем-

ля!» Предвосхищая современных нам толкователей «Слова», Пушкин исправляет перевод Жуковского так: «Он кликнул, застучала земля».

Помимо указанных, Пушкин сделал еще несколько второстепенных исправлений, большей частью основанных на толкованиях своих предшественников по изучению «Слова». Кроме того, Пушкиным в переводах Жуковского и Вельтмана ряд слов подчеркнут, отчеркнут и снабжен NB, в одном случае вопросительным знаком. Во всех этих случаях Пушкин, очевидно, сомневался в правильности существующих переводов и толкований, не давая, однако, своих собственных¹.

В связи с работой над «Словом» Пушкин, наконец, выписывал отдельные слова и выражения, встречающиеся в других памятниках, делая попытки осмысления этих слов. Так, на полоске бумаги он написал: «стуга — то же, что туга, как скоп — и коп», доверившись в данном случае чтению первого издания, где дважды напечатано «стугою» вместо «с тугою». (Древнерусский словарь не оправдывает, однако, первой аналогии Пушкина.) В другой раз на обороте письма к нему П. Я. Чаадаева, датированного первой половиной мая 1836 г., Пушкин записал: «в хоботы — с зад»². Эта запись находится в связи с попыткой Пушкина уяснить себе выражение «Слова», в мусин-пушкинском тексте читаемое: «нъ рози нося им хоботы пашут», впоследствии большинством комментаторов очень правдоподобно исправленное на «розно ся им хоботы пашут». Очевидно, в этих же целях Пушкин, по прочтении «Ледяного дома» Лажечникова, писал к нему 3 ноября 1825 г.: «Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешение для

¹ Н. О. Лернер («Из истории занятий Пушкина «Словом о полку Игореве». — «Пушкин. 1834 год». Л. 1934, стр. 94) указывает на то, что последняя запись Пушкина в книжке Вельтмана (на задней стороне обложки) передана Б. Л. Модзалевским неточно: у Модзалевского напечатано: «Слава на суд приведе», между тем как, по утверждению Лернера, Пушкин под словом «слава» ниже второго а написал у, т. е. предлагал читать: «славу на суд приведе», и таким образом исправлял чтение подлинника следующим образом: «Бориса же Вячеславича славу на суд приведе», другими словами, в контексте «Слова» получалось, что Владимир Глебович славу (похвальбу) Бориса Вячеславича привел на суд. Однако такая конъектура, мысленная логически, не оправдывается историческими фактами, так как Борис Вячеславич потерпел поражение не от Владимира Глебовича, а от Всеволода Ярославича в союзе с киевским великим князем Изяславом, племянником Ярополком и сыном Владимиром.

² См. «Рукою Пушкина», стр. 220.

меня важно: в каком смысле употребили вы слово хобот в последнем вашем творении и по какому наречию?»¹. Лажечников в ответ написал: «Всякий лихой сказочник вместо того, чтобы сказать таким образом, таким-то путем, пощеголяет выражением: т а к и м-т о х о б о т о м. Я слышал это, бывало, от моего старого дядьки, слышал потом не раз в народе московском, следственно по наречию великороссийскому»². Еще Вельтман в общем правильно истолковал «хоботы» как «хвосты» (впоследствии, в применении к тексту «Слова», это толкование было уточнено: «бунчуки»). Там же, однако, все выражение, заключающее в подлиннике это слово, Вельтман перевел совершенно неудачно: «им отданы рога, хвосты землю пашут». На каких лексических аналогиях основано осмысление слова, сделанное Пушкиным, сказать трудно.

Нужно думать также, что в связи с интересом Пушкина к «Слову» находятся и некоторые его выписки из «Истории» Карамзина и из славянского текста Библии³, а также запись первого куплета украинской песни, вошедшей в изданный в 1834 г. сборник М. А. Максимовича «Украинские народные песни», подаренный им Пушкину и сохранившийся в библиотеке поэта.

Куплет этот так воспроизведен Пушкиным:

Черна роля заорана
Гей, гей
Чер. etc.
И кулями засияна
Билым тилом вэволочена
Гей, гей
И кровию сполочена etc.

Как правдоподобно указал Н. О. Лернер, эта запись находится в связи с такими образами битвы в «Слове», как «Чръна земля под копыты костьми была посеяна, а кровию поляна; тугою взыдоша по Руской земли» и «На Немизе снопы стелют головами, молотят чепа харалужными, на

¹ Переписка Пушкина, т. III, стр. 250.

² Переписка Пушкина, т. III, стр. 256.

³ «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 1-я, «Пушкин». Ред. М. А. Цявловского. М., 1936, стр. 321, 323—324. Из Библии, очевидно, в параллель к соответствующим местам «Слова», сделаны такие выписки: «истягнул (Истягнеши слово кольцами)» (в «Слове» — «иже истягну умь крепостию своею»), «щиты (...два щита злата и надраги)» (в «Слове» «щиты» упоминаются пять раз), «роги алтаря» (в «Слове» «смагу мычючи в пламяне розе» а — в чтении первого издания — «нъ рози нося им хоботы пашут»).

тоще живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костью руских сынов»¹.

В том, что писал Пушкин о «Слове о полку Игореве» и в толковании им отдельных его загадочных мест, были, как мы видели выше, ошибочные и спорные положения, были и меткие наблюдения, оправданные последующей филологической критикой памятника. В некоторых случаях правота была не на стороне Пушкина, а на стороне тех, против домыслов которых он возражал. Но в целом качество комментариев Пушкина к «Слову» не стояло ниже того, что в этом отношении сделано было его современниками, специально занимавшимися «Словом» и имевшими возможность потратить на его изучение гораздо больше времени и сил, чем Пушкин, специально никогда филологической критикой не занимавшийся и все же в ряде случаев обнаруживший настоящее чутье в понимании древнего поэтического текста. Нельзя забывать, что «Словом» Пушкин занимался в пору напряженнейших житейских и литературных забот, которые, естественно, не давали ему возможности сосредоточиться на нем в полной мере: работа над «Словом» была Пушкиным лишь начата; сделаны были только предварительные наброски, собран первоначальный материал, и все это наскоро, торопливо записано, как заметка для готовившейся, очевидно, большой работы.

Но и то, что Пушкин успел набросать, а также отметить и исправить в чужих работах по «Слову», является свидетельством критической остроты его суждений. Даже в тех случаях, когда те или другие его домыслы оказывались спорными или вовсе неприемлемыми, они были часто оригинальны, тонки и смелы. Таковы, например, его соображения о том, что «Не лепо ли ны бяшеть» представляет собой не вопросительный, а утвердительный оборот речи, что «готовы» значит «известны», что выражение «хочу колие приломити, а любо испити» равнозначно поговорке «ли-

¹ Указанная статья, стр. 101—103. Транскрипция Пушкина в этой записи отличается от транскрипции Максимовича, прежде всего тем, что она руссифицирована; есть в ней кое-какие отступления в написаниях («зволючена» вместо «зволючена», «кровню» вместо «кровую», «сполочена» вместо «сполощена»). М. А. Цявловский поэтому предполагает («Рукою Пушкина», стр. 554), что здесь запись сделана была Пушкиным не непосредственно из сборника Максимовича, а под диктовку, может быть, Гоголя, принимавшего участие в составлении сборника. Но для дела в данном случае это, разумеется, не существенно.

бо пан, либо пропал», такова и его догадка, что автор «Слова» иногда допускает в отношении Бояна ироническое отношение.

Очень показательно, что поэтическое и критическое чутье Пушкина подсказало ему в качестве отправного пункта для собственных изысканий по «Слову» воспользоваться переводом Жуковского, несомненно лучшим во всех отношениях по сравнению со всеми другими, которыми Пушкин мог располагать.

Характерно и то, что в пору оживившегося скептического отношения к «Слову» он, не колеблясь, признал его подлинность, хотя, ввиду малой разработанности в ту пору истории нашей древней культуры, отрицал самое бытие древней русской литературы, считая, что «Слово о полку Игореве» «возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности»¹.

Но даже независимо от нашей оценки того, что успел сделать Пушкин в изучении и осмыслении «Слова о полку Игореве», знаменателен уже сам по себе факт усиленного внимания его к «Слову», не перестававшему привлекать его пытливость в течение всех последних годов его жизни. Это внимание было выражением длительного общего интереса Пушкина к нашему историческому и культурному прошлому, как материалу, с которым органически срасталось его собственное творчество и от которого оно получало свои питательные соки.

¹ «О ничтожестве литературы русской». Полн. собр. соч., изд. 4-е Гослитизд., т. 6, стр. 229.

ТРУДЫ МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ имени Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ПУШКИН

СБОРНИК СТАТЕЙ

под редакцией проф. А. Еголина

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной литературы
МОСКВА 1941